

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-343-351

Научная статья

Концепт «память» и национальный образ мира в творчестве Александра Кана

С.В. Ананьева

Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова
Министерства образования и науки Республики Казахстан
Республика Казахстан, 050010, Алматы, Курмангазы, 29

В мировом литературном процессе довольно распространена тенденция, когда писатели — представители своего народа и своей культуры живут за пределами исторической родины. Поиск ответов на важнейшие вопросы современности, вызовы глобализации способствуют раскрытию этнокультурного мира, общечеловеческое и общемировое волнует каждого из них. На примере творчества А. Кана раскрыто, как оппозиция *свое/другое* и *свое/чужое* позволяет передать национальный образ мира и национальное мироощущение. Принцип равноправия и признания *другого* как равного себе — основа диалога. Романы, повести, эссе А. Кана во многом автобиографичны и направлены на осмысление пути родного народа, его предназначения на земле. Путь родной литературы в представлении А. Кана — от литературы отчаяния через литературу томления и преодоления к бесконечной великой литературе великого сердца.

Ключевые слова: этническая идентичность, время художественное, концепт «память», история как миф, концепт «дом», диалогичность поэтик, эссе, коллективная травма

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17.05.2020

Дата принятия к печати: 29.06.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Ананьева С.В. Концепт «память» и национальный образ мира в творчестве Александра Кана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 343–351. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-343-351

© Ананьева С.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Concept of Memory and National Image of the World in Literary Texts of Alexander Kahn

S.V. Ananyeva

M.O. Auezov Institute of Literature and Art
Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
29, Kurmangazy, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan

A fairly common trend in the global literary process is when writers — representatives of their nation and their culture — live outside their historical homeland. The search for answers to the most important questions of our time and the challenges of globalization in relation to the ethnocultural world concern each of them. A. Kahn's work reveals how opposition of 'one's own' versus 'the other' conveys the national image and national attitude. The principle of equality and recognition of the other as an equal to oneself is the basis of dialogue. Novels and essays by A. Kahn are largely autobiographical and aim at understanding the path of the compatriots, their mission on earth. The path of national literature in the mind of A. Kahn is from the literature of despair through the literature of longing and overcoming to the endless great literature of a great heart.

Key words: ethnic identity, artistic time, memory, history as a myth, concept *home*, dialogic poetics, essays, collective trauma

Article history:

Received: 17.05.2020

Accepted: 29.06.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Ananyeva, S.V. 2020. "Concept of Memory and National Image of the World in Literary Texts of Alexander Kahn". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (3), 343—351. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-343-351

Введение

Многогранный и разнообразный культурный контекст современности создаст предпосылки для качественно нового осмысления современного развития национальных литератур. В поисках эстетической свободы (символично название книги Евгения Шишкина «Я свободен» [1]) писатели и поэты возвращаются к традиционным ценностям реализма, лирико-автобиографическому повествованию и к реалистической манере письма. В то же время картины реальности и художественного вымысла в повествовании причудливо переплетаются, продолжая эксперимент авторов художественных текстов с языком и стилем, графическим оформлением разными шрифтами, включением sms-сообщений, визуального, монтажно-клипового ряда изображений.

Открытая и предельно обнаженная авторская манера повествования характерна для прозы Александра Кана. Современный романист, драматург, эссеист пишет на русском языке. И сам предпринимает попытку ответить на вопрос: к каким мировым стилям и направлениям можно отнести корейскую литературу на русском языке? Корейский русскоязычный автор, по мнению А. Кана, «волен работать в самых разных стилистиках и манерах — архаической, реалистической, модернистской, — выстраивая свой сюжет линейно или метафорически, играя с языком или относясь к нему слишком буквально, используя те или иные уровни художественной условности, создавая одно- или многоэтажные произведения, кому как по силам. Суть не в этом, а в том, что всех нас, как это видно из “Книги белого дня”, объединяет один пронзительный посыл совершенной любви к несовершенному миру, через который наша стойкая, дерзкая литература, в своих лучших проявлениях, своим чистым голосом присоединяется к хору литературы мировой» [2. С. 271].

Непревзойденным мастером слова и образа является известный русскоязычный прозаик Анатолий Ким. Поэтика его романов и повестей не просто оригинальна, в каждом последующем произведении российский прозаик так раскрывает образы героев и выстраивает повествование, что поднимает его на новый уровень. Творчество А. Кима «развивается по двум направлениям — корейскому, герметичному, под тяжелым небом изгнаннической, родовой, национальной судьбы, с четкой, детерминированной... под стать древнегреческой, драматургией, и русскому — напротив, неохватному, настежь открытому всем любопытствующим взглядам, залетным ветрам, драматургически не оформленному, а скорей портретному, где писатель больше художник... Как ему разрешить в себе два этих, никак не соприкасающихся мира, а об их пересечении вообще говорить не приходится» [3. С. 202]. Все это отражается в диалогичности поэтик произведений.

Диалектику развития его художественного пространства А. Кан видит следующим образом: волнуемое сахалинское море — плодоносящее луковое поле — проповедующий Отец-Лес. Писатель обратил корейского героя к русской жизни и космосу, продемонстрировав «всю возможную мощь и магию художественного слова, на что оно, слово, способно» [3. С. 220].

Разные культурные практики обогащают стиль А. Кима. Коллективная идентичность, дематериализация прошлого, память — в центре его прозаических произведений. Нарратор пытается осмыслить свое предназначение на земле, будучи уверенным в том, что как писатель он родился в дальневосточной деревеньке Роскошь и именно деревня — главное хранилище духовных ценностей и нравственного богатства. И в то же время подтверждает всем своим творчеством приверженность национальной классической корейской литературной традиции.

Обсуждение

В эссе «Третий Гамлет (Мировые диаспоры XXI века: опыт литературного осущестления маргинального героя)» А. Кан выделяет в современной литературе корейцев СНГ три направления: литература *архаики*, литература *ассимиляции* и литература *сопротивления*. Поэты архаики обращаются к дальневосточной поэти-

ческой традиции, что приводит в современной социокультурной ситуации к бесконечному оплакиванию утраченных культурных ценностей [4. С. 200]. Представители второго направления — некоторые поэты корейского происхождения (Диана Кан и др.) пытаются ассимилироваться в русской литературе.

Литературу сопротивления А. Кан рассматривает на примере своего творчества, приходя к выводу, что литература корейцев СНГ — «русская по языку, корейская по ментальной пластике и экзистенциальная по своему окончательному выходу, по всем ее гамлетовским вопросам» [4. С. 204].

Диалогичность поэтик включает диалог индивидуального и общественного опыта. Вот как это происходит у А. Кана: «... Я высвобождал близких, дорогих мне людей, замурованных прошлым, политическим режимом, исторической несправедливостью, расизмом и ксенофобией, собственными слабостями, ошибками, просто кривым и дырявым пространством и временем, и возвращал им жизни в своих рассказах, воскрешал их смыслы, которые обыкновенно так стремительно исчезают с уходом людей. И свое сочинительство, и свою литературу я воспринимал уже как некое религиозное действо по возвращению живых и ушедших из духовного небытия» [5. С. 233]. На примере своего творчества современный казахстанский автор раскрывает главный смысл литературы коре сарам — собирать и создавать из осколков прошлого бессмертные образы людей.

Символично название пьесы А. Кана «Коридор», действующие лица которой меняют свои облики. Нравственные ценности трансформируются. Экзистенциальное ощущение одиночества в пьесе «Коридор» (жанр которой самим автором определен как патриотическая комедия) сквозное: «Самое страшное, когда рядом люди, а на самом деле — никого...» [5. С. 162]; «Всем одинаково плохо и одинаково хорошо» [5. С. 162]; «А сейчас, как в тоннеле: ни начала, ни конца... Вот когда-нибудь войду и обратно не выйду» [5. С. 164]; «Везде одно и то же. Замкнутый круг» [5. С. 180]. Призраки бывшие, родные, близкие, дальние, куклы, тени...

В сборнике «Дорожка феи в саду», посвященном 75-летию Республиканского корейского театра музыкальной комедии и 70-летию проживания корейцев в Казахстане, опубликованы пьесы Хан Дина, Цой Ен Гына, Анатолия Кима, Лаврентия Сона, Генриетты Кан и Александра Кана. Тональность пьес самая разнообразная: от трагико-эпических нот при воссоздании картин прошлого (депортации, военного времени и т.д.) до искрометных, образных и точных интонаций в текстах музыкальных сказок и комедии-фарса, реплики действующих лиц которых из далекого прошлого звучат порой актуально и современно. В пьесах корейских драматургов раскрыты фольклорные образы и мотивы.

Этнические и этические проблемы, связанные с изображением коллективной травмы последствий депортации 1937 года, в текстах корейских авторов присутствуют постоянно. О депортации размышляет один из героев пьесы А. Кана «Коридор» — современный писатель, который «ручонками своими так мелко-мелко по листу водит, и прямо видно, как из-под пера его маленькие человечки враспынную разбегаются, потом он их — раз! — волевым движением коротенькой руки обратно — в колонки, темницы — вот тебе и самая настоящая депортация!» [5. С. 162]. Изучение дискурса о депортации в современной художественной литературе корейских авторов позволяет рассматривать влияние исторической трав-

мы на современную культуру, на сохранение и развитие «открытого критического пространства, принимающего во внимание параллели между перекликающимися концептами и эпистемологическими традициями постколониального и деколониального дискурсов» [6. С. 42].

Концепт «дом» в пьесе «Коридор» так или иначе находит отражение в репликах персонажей. Римма отвечает бывшему мужу: «А где он, дом? Вот мой дом! (Шумно раскрывает зонтик)» [5. С. 164]. Аня, подруга Антона, 16—17 лет мечтает, как и героини «Трех сестер» А.П. Чехова, уехать в Москву и жить так, «чтобы никто не мог уходить из моего нового дома и возвращаться, когда пожелает» [5. С. 174]. Антон, сын Риммы и Бориса, собираясь вслед за Анной, просит немного времени, чтобы «попрощаться с домом. Мысленно». Концепт дома оживает в просьбе Бориса, обращенной к матери: «Мне срочно нужен здешне-тамосный словарь». И в диалоге матери с сантехником: «Разве книги спасут, если дом рухнет? Книжки надо читать в светлом, чистом и сухом доме» [5. С. 176].

Мотив ухода из дома (Анна, Антон, бабушка) и вынужденного возвращения (Римма) проходит красной нитью через всю пьесу. Нет дома у соотечественника, приехавшего из-за рубежа, он приглашает всех в ресторан на прощанье. И концепт дома вырастает до концепта Родины, маленьких родин, разделенной родины; чудесной родины, пасторальной картины из окна проносающегося поезда, выйти из которого нельзя; родного городка, в котором родилась Римма. Родина гостя — технический прогресс:

Освободили нас: послали на рудники, понастроили заводов, железных дорог, магазинов, небоскребов, военно-морских баз, банков... А теперь, где бы я ни был, везде вижу: технический прогресс. И гордость меня переполняет... Технический прогресс — это и есть моя Родина [5. С. 183].

Лейтмотив непрекращающегося дождя варьируется. Вслух читает страницы «Библии» о потопе пришедший по вызову сантехник. И дождь, и коридор оживают в репликах матери, одной из главных героинь. Коридор может шалить и хулиганить, менять свою длину, трансформироваться, укорачиваться (в детстве) и удлиняться (сейчас). Приезжий гость не понимает значения слова «коридор», ему пытаются объяснить, подбирая синонимы и выстраивая синонимический ряд: проход, вестибюль, тоннель, шахта, мостик — нежилое, промежуточное пространство. Ложь, грубость, невежество, потемки — это все тот же коридор, темный и душный, которого так боится мать.

О депортации пишет современный писатель, «творчество» которого прочел всемогущий Аполлон (именно он решает, кого отправить в поездку на историческую родину): «...Между табличками слова — “свобода”, “самосознание” — вот еще такое слово помню: “депортация”». А вот молодая героиня пьесы, Анна, рассказывает о матери, ждущей отца: «Она сейчас как сумасшедшая стала, все ходит по комнате — из угла в угол. Как заключенная за час до освобождения» [5. С. 173].

Важно, что драматург сам в беседе с автором статьи раскрывает замысел пьесы и объясняет движение сюжета: «Таким образом, в этом печальном произведении моими героями была осуществлена попытка — трагикомическая, истерическая,

драматическая! — выбраться из Коридора, но это, как видится, невозможно сделать, поскольку любое родное пространство, в котором мы обитаем, каким бы уродливым оно не было, срастается с нашей душой, плотью и памятью».

Интересно проследить, как А. Кан от образов Человек-капсула («Невидимый остров») и Человек-река («Свидание с комнатой») переходит к образу-понятию — Человек-коридор, «когда это проклятое пространство уже вросло глубоко в тебя и даже формирует твоё мировидение».

В романе «Треугольная Земля» А. Кана было прослежено формирование сознания у всей диаспоры и отдельной личности, «после многолетнего коридорного существования»:

Да, жизнь моя есть один коридор, правда, бывало, свернешь налево или направо, а там как бы комната, а в ней человек, но присмотришься, не человек это, а дверь, за которой другой коридор, и даже не обидно, остановишься в раздумье, — а теперь куда? Сам себе и ответишь, что нет разницы никакой, куда, все равно кругом коридор, и, значит, это и есть путь человеческий, и нет ни рая, ни ада, а есть один коридор, и ветер в лицо.

Герои произведений А. Кана всегда — перед выбором. Свой экзистенциальный выбор они совершают вопреки опасности и, порой, страху собственной гибели. Герои умирают и рождаются заново: «И тогда начинается новая полнокровная жизнь с построением нового свободного мира». Центральное место в эссе «Невидимый остров» занимает память. «Память как пустота. Память как ожог» [7. С. 420]. А. Кан вводит понятие этнического экзистенциализма [7. С. 423]. Принципиально важным для национального сознания он считает самоощущение вечного гостя: «Оказавшись на чужой территории, кореец автоматически расставался со своей культурой, традициями, национальным духом» [7. С. 423]. И в любом случае он попадал под сильнейшее влияние русской культуры. В то же время он оказывался словно в состоянии междуязычия (незнание корейского и русского языков), которое на деле оборачивалось безъязычием. В сложившейся ситуации будущее корейской культуры видится А. Кану «на пути сращения мощного подсознательного пласта национальной — психологической и художественной — пластики с российским образованием и российским контекстом» [7. С. 426].

Безусловно, в структуре художественного произведения, в поэтике, стилистике, системе художественных образов находит отражение национальная картина мира, национальное мирознание автора. Емко и всеобъемлюще пишет об этом А. Ким, первой картиной души которого (считая себя художником, писатель пишет по этому поводу: «Я мыслю цветом, линией и художественными образами». — С.А.) были степь и желтые холмы Казахстана. Цвет старого меда холмов, огромные алые облака тюльпанов, словно в одночасье опустившихся с небес на землю, яркое сияние зелени.

«Мир нашей души — это музей Божественного искусства. Каждый из нас носит в себе целую картинную галерею», — уверен писатель. Картинная галерея детства: пыльно-желтая степь, голубой свет небес (небо может быть разным: размытым и синим), желтые холмы, зеленые перья лука, бескрайние степи, неспешные орлиные спирали над горами. «Блекло-желтые» склоны холмов становятся

весной «нарядными, как расписные шелка». Элемент национального мировосприятия дополняет весенний степной пейзаж. «Душу человека, — уверен писатель, — формируют ландшафты той страны, которую впервые увидел он в самом раннем детстве. В дальнейшем она не может измениться. Душа может только расшириться и дополниться другими картинами мира. Я навсегда останусь огнепоклонником солнца, яростно пылающего над раскаленной бескрайней степью. Никогда не перестанет шуметь и мельтешить в моей душе многоязыкий пестрый базар народов. Я стану человеком множественного, полиментального склада характера» [8. С. 235]. Навсегда вошло в душу писателя «огромное пространство, которое вмещает в себя и круговые полеты орлов, и предгорную равнину, и желтые холмы Казахстана» [8. С. 236]. В душе прозаика распахнулись огромные орлиные просторы, и она насквозь пропиталась жарой казахской пустыни.

Через границу «идет — не влияние! не заимствование! — а *взаимодействие* культур, литератур. То, что считалось “влиянием”, оказывалось сложной операцией сотрудничества, содействия различных кодов, трансформационным процессом перекодировки воспринятого в одной культуре, литературе и перенесении его путем “перевода — парафраза — пересказа” — в другую культуру, литературу» [9. С. 285]. Именно так в творчестве современного казахстанского прозаика А. Кана и писателей корейского происхождения происходит взаимообогащение корейской и русской литературных традиций.

Заключение

Тему более чем векового существования корейской диаспоры в России и Казахстане с самых разных точек зрения, в ракурсе настоящего, прошлого и будущего, проецируя реальное историческое время и время художественное или мифологическое анализирует А. Кан в эссе «Невидимый остров». Размышляя о корейской литературе, создаваемой на русском языке, о том, к каким мировым стилям и направлениям ее можно отнести, о ее этнической идентичности, А. Кан убежден, что все, пишущие в самых разных традициях и направлениях, «объединены одной национальной тоской или ревностью по дому».

Память в произведениях корейских писателей выступает как лирическое переживание, благодаря которому автор выводит героя из художественного пространства прошлого в условное будущее. Память как сон, дикий и ужасный, оставляющий в читательском сознании ожог. Память — это и родной (корейский) язык, и все, с ним связанное (традиции, национальная культура, атмосфера, мироощущение). Память — вечная боль и память — пустота, абсолютная ледяная пустота и в то же время неземная пронзительная тоска автора по этой пустоте. Авторская замороженность своей памятью или объектом, ее вызвавшим, присутствует во всех перечисленных пунктах.

Лики памяти — Боль, Страдание, Сон, Ожог, Корейский язык, Пустота... [7. С. 440]. Память перестает быть памятью, становясь прошлым, настоящим и будущим, истинным содержанием человеческого Духа.

Ассоциативно связаны с картинами прошлого родного народа рассказы и повести А. Кана, посвященные современным темам, эссе писателя о судьбах корей-

ской русскоязычной литературы («Возвращение домой»), о его личном восприятии литературы, ставшей идеальным убежищем, позволяющим ни от кого и ни от чего не зависеть («От литературы отчаяния к литературе преодоления») и др. Среди представительниц старшего поколения, с которыми автору фатально невозможно установить полный контакт (из-за языкового барьера и из-за магической, завораживающей неподвижности их лиц, лиц мумий, уносящих с собой в небытие тайну целого народа), видятся ему те, кто уносит с собой культуру и историю. «Я глубоко убежден, что те остатки культуры, фольклора, преданий, осколки когда-то разбитого зеркала искусства, несут в себе именно они, — в складках своих лиц и ладоней, одежд, в тонких щелках глаз, в которых уже невозможно что-либо разобрать — это прорези маски, сквозь которые еще глядят на тебя исчезающие история и культура», — говорит современный автор. Эта монотонно звучащая древность, безликая и величественная, отшлифованная миллиардами скорбных голосов, летит дальше навстречу новым голосам, новым утратам.

Высокая этничность определяется по способу авторского видения мира, пронизанного национальной тоской, — видения корейского прасимвола, праиероглифа, проступающего сквозь любую — родную, чужую — картину мира. Процесс восстановления разорванных связей, воссоединения оборванных струн в национальных литературах Казахстана приобретает в XXI веке отчетливый культурно-возрожденческий смысл. Важно понять не только самого себя, но и другого (национальный мир, художественную реальность, человека).

Список литературы

1. Шишкин Е. Я свободен. М.: Наш современник, 2011.
2. Кан А. Книга белого дня. Литература корейцев СНГ в поисках утраченной идентичности. Тараз: Сенім, 2010.
3. Кан А. Соглядатай (Литература как обретение новой родины) // Известия корееведения в Центральной Азии. 2009. Вып. 8 (16). С. 191—220.
4. Кан А. Третий Гамлет (Мировые диаспоры XXI века: опыт итературного осуществления маргинального героя) // Корейская диаспора в ретро и перспективе. Материалы международной конференции. Алматы, 2007. С. 198—205.
5. Кан А. Коридор // Дорожка феи в саду. Сборник пьес корейских авторов. Алматы: RUAN, 2006.
6. Тлостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. С. 32—43.
7. Кан А. Невидимый остров. Корейская диаспора СНГ (1988—1998): опыт художественного преодоления маргинального сознания // Невидимый остров. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2004.
8. Ким А. Мое прошлое // Ким А. Остров Ионы. Метароман. Повести. М.: Центрполиграф, 2002.
9. Земсков В. Сравнительное литературоведение и «история мировой литературы» // Вопросы литературы. Май—июнь 2016. С. 282—285.

References

1. Shishkin, E. 2011. Ya svoboden. Moscow: Nash sovremennik. Print. (In Russ.)
2. Kahn, A. 2010. Kniga belogo dnya. Literatura koreytssev SNG v poiskakh utrachennoy identichnosti. Taraz: Senim. Print. (In Russ.)

3. Kahn, A. 2009. “Soglyadatay (Literatura kak obreteniye novoy rodiny)” in *Izvestiya koreyevedeniya v Tsentral’noy Azii* 8 (16): 191–220. Print. (In Russ.)
4. Kahn, A. 2007. “Tretiy Gamlet (Mirovyye diaspory XXI veka: opyt literaturnogo osushchestvleniya marginal’nogo geroya)” in *Koreyskaya diaspora v retro i perspektive. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Almaty. Print. (In Russ.)
5. Kahn, A. 2006. “Koridor” in *Dorozhka fei v sadu. Sbornik p’yes koreyskikh avtorov*. Almaty: RUAN. Print. (In Russ.)
6. Tlostanova, M.V. 2020. “Postkolonial’nyy udel i dekolonial’nyy vybor: postsotsialisticheskaya mediatsiya”. *Novoye literaturnoye obozreniye* 1: 32–43. Print. (In Russ.)
7. Kahn, A. 2004. “Nevidimyy ostrov. Koreyskaya diaspora SNG (1988–1998): opyt khudozhestvennogo preodoleniya marginal’nogo soznaniya” in *Nevidimyy ostrov*. Almaty: ID «Zhibek zholy». Print. (In Russ.)
8. Kim, A. 2002. “Moye proshloye” in *Ostrov Iony. Metaroman. Povesti*. Moscow: Tsentrpoligraf. Print. (In Russ.)
9. Zemskov, V. 2016. “Sravnitel’noye literaturovedeniye i «istoriya mirovoy literatury”. *Voprosy literatury*. May-iyun’ 2016: 282–285.

Сведения об авторе:

Ананьева Светлана Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова МОН РК. E-mail: svananyeva@gmail.com

Bio Note:

Svetlana V. Ananyeva is a Head of the Department of International Relations and World Literature of the Auezov Institute of Literature and Art MES RK, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. E-mail: svananyeva@gmail.com